

Шестая глава из «ЧЕРНОЙ КНИГИ КОММУНИЗМА»

СССР С 1923 ПО 1936 ГОД

Это первое не художественное, а именно историко-публицистическое исследование чудовищных преступлений коммунистических режимов в разных государствах и, прежде всего, в России. Книга написана зарубежными историками. Издана во многих европейских странах огромными тиражами. Только во Франции ее тираж составил 300 000 экземпляров. Переведена на 31 язык. На русском языке вышла в издательстве «Три века истории».

«ОТ ПЕРЕДЫШКИ К «ВЕЛИКОМУ ПЕРЕЛОМУ»

С начала 1923 года и до конца 1927 года, в течение пяти лет, в противостоянии Советской власти обществу наступила кратковременная передышка. Борьба за дело Ленина, умершего 21 января 1924 года, но абсолютно отстраненного от политической деятельности вследствие третьего удара уже в марте 1923 года, захватила большую часть партийных руководителей. В течение этих нескольких лет общество залечивало раны.

Крестьянство, составлявшее 85% населения страны, попыталось восстановить связи на внутреннем рынке, продавать свою продукцию и жить согласно формуле крупного историка русского крестьянства Михаэля Конфино – так, словно «наступило время крестьянской утопии».

Эта «крестьянская утопия», названная большевиками «эсеровщиной», то есть «господством социал-революционного сознания», основывалась на четырех принципах, которые можно встретить во всех крестьянских программах разных десятилетий: это, в частности, отмена помещичьего землевладения и раздел земли в зависимости от количества едоков; это свобода пользования плодами своего труда; возможность торговать; и, наконец, создание крестьянского самоуправления (self-government), традиционной сельской общины. При этом представительство большевистского государства сводилось к сельским Советам, избираемым жителями нескольких деревень, и партийным ячейкам, по одной на каждую сотую деревню!

Механизмы рынка, разрушенные в период с 1914 по 1922 год, частично признанные властью, хотя и оцененные как знак отступления в стране, где большинство составляло сельское население, снова начали действовать. Сезонная миграция в города, столь частая при прежней власти, также возобновилась. Поскольку государство пренебрегало сектором потребления, заметно расцвело ремесленничество, недоимки и голод в деревнях стали более редкими, крестьяне снова насытились.

Однако кажущееся затишье этих нескольких лет не могло снять глубокие противоречия между правящим режимом и обществом, не забывшим насилие, жертвой которого оно стало.

У крестьян причин для недовольства было немало. Закупочные цены на сельскохозяйственные продукты были очень низки, не хватало фабричных товаров – были дороги, а налоги – непосильны. Крестьяне чувствовали себя в стране гражданами второго сорта, поскольку рабочие стали категорией привилегированной. Крестьяне жаловались на многочисленные злоупотребления предста-

вителей Советского государства, получивших закалку в «школе военного коммунизма». Они подвергались произволу местной власти, впитавшей одновременно черты русской традиции и практики террора последних лет. «Судебный, административный и местный милицкий аппарат были парализованы алкоголизмом, взяточничеством, бюрократизмом и общей грубостью нравов крестьянских масс», – отмечается в пространном докладе политической полиции «О соблюдении социалистической законности в деревнях» в конце 1925 года.

Осуждая наиболее кричащие нарушения законности представителями советской власти, многие большевистские руководители все равно считали деревню опасной (terra incognita), то есть «средой, кишашей кулацкими элементами, социал-революционерами, попами, бывшими помещиками, которых еще не успели «убрать», по образному выражению руководителя ГПУ Тульской губернии. Как свидетельствуют документы отдела информации ГПУ, рабочий класс тоже оставался «под высочайшим наблюдением».

Эта социальная категория, меняющаяся в послевоенные годы, в период революции и гражданской войны, всегда подозревалась в сохранении связей с враждебным советской власти миром деревни. На каждом предприятии были свои тайные осведомители, выявлявшие слова и поступки, «крестьянские настроения», которые рабочие, вернувшиеся из проведенного в деревне отпуска, могли занести в город. В докладах органов ГПУ рабочий класс делился на «враждебные элементы», находящиеся под влиянием контрреволюционных групп, на «политически отсталых», в основном, недавно приехавших из деревень, а также на тех, кто еще может стать «политически сознательным». Остановка работ на предприятиях и забастовки, весьма немногочисленные в эти годы, большей частью безработицы, относительно улучшение уровня жизни для тех, у кого была работа, были тщательно расследованы, а их вожаки арестованы.

Секретные документы ГПУ, сегодня частично ставшие доступными, показывают, что после нескольких лет ошеломляющего роста численности эта организация вдруг столкнулась с некоторыми трудностями, связанными с передышкой в волонтеристской реорганизации общества. В 1924-1926 годах Дзержинскому пришлось твердо отстаивать свои позиции перед некоторыми руководителями, считавшими, что нужно ограничить численный состав органов ГПУ, дела которого шли на убыль. В первый и единственный раз, вплоть до 1953 года, численный состав органов ГПУ был значительно сокращен. В 1921 году ЧК использовала 105.000 гражданских лиц и около 180.000 военных из различных войск специального назначения, включая пограничные войска, чекистов-железно-

дорожников, а также конвойные войска.

В 1925 году эти части поределели, их численность уменьшилась приблизительно до 26.000 гражданских лиц и 63.000 военных. К этому числу следует прибавить 30.000 осведомителей, на которых в 1921 году нет данных в силу нынешнего состояния документации. В декабре 1924 года Николай Бухарин написал Феликсу Дзержинскому: «Я полагаю, что мы должны как можно скорее перейти к более «либеральной», форме советской власти: меньше репрессий, больше законности, дискуссий, больше местной власти (под руководством партии naturaliter) и т.д.»

Несколько месяцев спустя, 1 мая 1925 года, Николай Крыленко, возглавлявший в свое время судебный маскарад на процессе социал-революционеров, направил в политбюро длинную докладную записку, где он критиковал злоупотребления ОГПУ, которое, с его точки зрения, превысило полномочия, предписанные ему законом. Многие декреты, принятые в 1922-1923 годах, действительно ограничивали компетенцию ОГПУ делами о шпионской деятельности, бандитизме, фальшивомонетчиках, «контрреволюционерах».

В этих преступлениях ОГПУ было единственным судьей, и его специальная коллегия могла приговорить к ссылке и поселению на жительство в места, находящиеся под надзором (сроком до трех лет), к содержанию в лагере или даже к смертной казни. В 1924 году из 62.000 начатых ОГПУ дел, немногим более 52.000 были проведены через обычный суд. ОГПУ оставил в своей подсудности 9000 дел, что составляет значительную цифру, позволившую сделать заключение о политической обстановке. Николай Крыленко напоминает: «Условия жизни депортированных и сосланных на поселение в затерянные углы Сибири лиц, без малейших средств к существованию, ужасающих. Туда высылают наряду с семидесятилетними стариками юношей восемнадцати-девятнадцати лет из учащейся молодежи, духовенство, старух, «принадлежащих к социально-опасным элементам».

Крыленко предложил также ограничить категории «контрреволюционеров» только членами «политических партий, представляющих интересы буржуазии», чтобы избежать произвольного толкования этого термина службами ОГПУ.

Обеспокоенные такой критикой, Дзержинский и его помощники не смогли не довести до сведения партийного руководства и, в частности, Сталина о тревожных сообщениях по поводу сложных внутренних проблем, а также об угрозе диверсий со стороны Польши, Франции и Японии. В докладе о деятельности ОГПУ в 1924 году политическая полиция сообщила:

- арестовано 11453 «бандита», из которых 1858 были расстреляны на месте;
- задержано 926 иностранцев (357 высланы из страны) и 1542 «шпиона»;
- предупреждено «восстание белогвардейцев» в Крыму (132 человека расстреляны по этому делу);
- проведена 81 «операция» против групп анархистов, в ходе которых осуществлено 266 арестов;
- «ликвидировано» 14 меньшевистских организаций (540 арестованных), 6 организаций правых эсеров (152 арестованных),

117 организаций «Различных интеллигентов» (1.360 арестованных), 24 организации «Монархистов» (1245 арестованных), 85 «церковных организаций» и «сектантских объединений» (1765 арестованных), 675 «кулацких групп» (1148 арестованных);

– высланы с помощью двух операций в феврале и июле 1924 года 4500 «воров», «рецидивистов» и «нэпманов» (торговцев и мелких предпринимателей) из Москвы и Ленинграда;

– взяты под надзор 18200 «социально опасных лиц»;

– под наблюдением также находятся 15501 предприятие и управление ими;

– вскрыто и прочитано 5 078 174 письма и другой корреспонденции.

В какой мере этим данным, скрупулезно составленным и до смешного бюрократическим, можно доверять? Включение их в проект бюджета ОГПУ 1925 года означает, что функции тайной полиции не были ограничены, она по-прежнему обеспечивала защиту от внутренней угрозы и потому заслуживала новых средств. Для историка ценно, что помимо приведенных цифр и произвольно выбранных социальных «категорий», они свидетельствуют о постоянстве методов ОГПУ, о существовании его потенциальных врагов, о непереносимости вражеской сети, порой недостаточно действенной, но всегда действующей.

Несмотря на бюджетные сокращения и некоторую критику со стороны непоследовательных большевистских руководителей, деятельность ОГПУ подстегивается ужесточением уголовного законодательства. Действительно, Основные принципы уголовного законодательства СССР, принятые 31 октября 1924 года, так же, как новый Уголовный кодекс 1926 года, значительно расширяли определение контрреволюционных преступлений и вводили понятие «лицо социально опасное». Закон включал в «контрреволюционные преступления» всякие виды деятельности, которые, не имея целью непосредственно свержение и ослабление советской власти, были, тем не менее, «правонарушением», «посягательством на политические или экономические завоевания пролетарской революции». Таким образом, закон наказывал не только за прямые намерения, но также за намерения случайные или косвенные.

Кроме того, «социально опасным ... считалось всякое лицо, совершившее общественно опасный поступок, имеющее отношения с преступной средой или осуществлявшее в прошлом такую деятельность, которая признана «социально опасной». Привлеченные в соответствии с этими очень неточными критериями лица могли быть приговорены к наказанию даже в отсутствие всякой вины. Было разъяснено, что «суд может принимать меры социальной защиты от лиц, признанных социально опасными, либо действительно совершивших определенное преступление, либо привлеченных в качестве обвиняемых по какому-либо преступлению и оправданных судом, но остающихся социально опасными».

(продолжение следует...)